

ДЕРЖАВА ЯВИ ЖЕЛЕЗНЫЙ

Владислав Гайнетдинов

18+

Владислав Гайнетдинов

Держава Яви. Железный

«Автор»

2026

Гайнетдинов В.

Держава Яви. Железный / В. Гайнетдинов — «Автор», 2026

Небо упало. Боги умерли. Осталось только железо. Тысячу лет назад цивилизация Дивьих Людей пала, пробудив Чернобога — сущность из Нави, что питается страхом и кровью. Теперь люди прячутся в острогах, приносят жертвы ложным богам и молятся о пощаде. Но князь Свиатогор не молится. Когда его родной острог сожжён, а отец убит, он находит то, что должно было остаться легендой — Сварожью Кузницу, оружие Дивьих, способное убивать богов. Теперь у него есть выбор: сгинуть в пепле, как все до него, или выковать новую веру — веру в человечество, в его волю, в его сталь. Но Навь уже знает его имя. И она пошлёт всё, что у неё есть, чтобы остановить Железного. Мрачное славянское фэнтези в духе Warhammer 40k. Где боги — паразиты. Где вера — оружие. Где цена свободы — кровь.

© Гайнетдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1	5
Содержание	6
Аннотация	7
Глава 1 - Пепел над Ирием	8
Глава 2 - Пробуждение Стража	18
Глава 3 - Молот и Секира	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владислав Гайнетдинов Держава Яви. Железный

Книга 1

Содержание

Железный. Держава Яви. Книга 1

Глава 1 - Пепел над Ирием

Глава 2 - Пробуждение Стража

Глава 3 - Молот и Секира

Глава 4 - Тени чёрных лесов

Глава 5 - Молчаливый

Глава 6 - Воеводы и Богатыри

Глава 7 - Зов железа

Глава 8 - Кровь и снег

Глава 9 - Раскол неба

Эпилог

Аннотация

Небо упало. Боги умерли. Осталось только железо.

Тысячу лет назад цивилизация Дивьих Людей пала, пробудив Чернобога — сущность из Нави, что питается страхом и кровью. Теперь люди прячутся в острогах, приносят жертвы ложным богам и молятся о пощаде.

Но князь Свиатогор не молится.

Когда его родной острог сожжён, а отец убит, он находит то, что должно было остаться легендой — Сварожью Кузницу, оружие Дивьих, способное убивать богов.

Теперь у него есть выбор: сгнуться в пепле, как все до него, или выковать новую веру — веру в человечество, в его волю, в его сталь.

Но Навь уже знает его имя. И она пошлёт всё, что у неё есть, чтобы остановить Железного.

Мрачное славянское фэнтези в духе Warhammer 40k. Где боги — паразиты. Где вера — оружие. Где цена свободы — кровь.

Глава 1 - Пепел над Ирием

Глава 2 - Пробуждение Стража

Глава 3 - Молот и Секира

Глава 4 - Тени чёрных лесов

Глава 5 - Молчаливый

Глава 6 - Воеводы и Богатыри

Глава 7 - Зов железа

Глава 8 - Кровь и снег

Глава 9 - Раскол неба

Эпилог

Глава 1 - Пепел над Ирием

Голос Бояна Волхва, записанный на пергаменте из кожи навьего зверя, 860 год от Великого Падения:

Слушайте, дети пепла. Слушайте, пока Навь не забрала и эти слова.

Я расскажу вам о временах, когда небо было высоким, а звёзды — близкими. О Дивьих Людах — наших отцах, которых мы забыли.

Они были прекрасны. Они повелевали молниями и запрягали солнце в свои колесницы. Они строили башни, что пронзали облака, и корабли, что плыли между звёзд.

И были они горды.

Они говорили: «Мы — боги».

Но они ошибались.

Ибо за пределами их света была Навь. Бездна, что дышит. Море, что шепчет. Тьма, что ждёт.

И в той тьме спал Чернобог — сущность, что питалась страхом, что росла на отчаянии.

Дивьи открыли Врата. И хлынула тьма. Не такая, что ночью. А такая, что живая.

Города рухнули за одну ночь. Те, кто выжил, — одичали. Они забыли свои имена. Они забыли, как строить корабли, как лечить раны, как сеять хлеб.

Они стали нами.

Теперь мы живём в острогах. Мы приносим жертвы — Перуну, Велесу, Моране — надеясь, что они защитят нас.

Но мы ошибаемся.

Перун — не бог. Перун — это эхо того, что когда-то было громом в руках Дивьих. Велес — не бог. Велес — это тень. Морана — не бог. Морана — это голос самой Нави, что зовёт нас к себе.

Мы кормим их нашей верой. Мы кормим их нашим страхом. И они растут.

Но есть пророчество. Старое, как пепел на наших полях.

«Придёт Железный. Он соберёт осколки. Он пойдёт к звёздам. И он заплатит за это всем».

Кто он? Откуда придёт? Что за цена?

Я не знаю.

Но я чувствую — он уже близко.

Я видел его. Князь Свиагогор. Он стоит на пепелище Ирия. В его глазах — огонь. В его руке — клинок, что не тупится. И я знаю: это он. Это Железный.

Боги — или то, что мы зовём богами — помилуйте нас. Или прокляните. Но он пришёл. Лес шептал.

Не ветер — деревья. Старые, корявые дубы и сосны, что росли здесь ещё до Великого Падения, шептали имена мёртвых. Их голоса сливались в один гулкий шёпот, что проникал под кожу, что забирался в голову, что сводил с ума.

Свиагогор ехал впереди. Его конь — вороной, с белой проталиной на лбу — ступал осторожно, чувствуя настроение хозяина. За ним — двенадцать всадников. Его дружина. Не княжеская гвардия, не боярские сынки в расшитых золотом кафтанах. Простые воины — такие же, как он сам. Израненные, уставшие, с глазами, видевшими слишком много.

Они возвращались из дальнего похода, из-за Чёрных Лесов, куда не заходил никто уже лет двадцать. Они несли дары — шкуры навьих зверей, странные кристаллы, найденные в руинах Предтеч, и весть: за лесом есть земли, где Навь ещё не пробилась. Где можно жить.

Но лес чувствовал их возвращение.

И лес не был рад.
Свиатогор остановил коня.
— Стоять, — сказал он тихо.
Дружинники замерли. Добрыня, его названный брат, воевода, подъехал ближе.
— Что такое, княжич?
— Тише, — ответил Свиатогор. Он смотрел вглубь леса, туда, где деревья стояли особенно густо, где тени казались гуще, чем должны быть. — Слышишь?
Добрыня прислушался.
— Нет. Ничего не...
И тут — хруст.
Не ветки. Не снега. А что-то иное — влажный, тошнотворный хруст, как будто кто-то жевал кости.
Из-за деревьев вышла она.
Тварь.
Высокая — выше человека в два раза. Тощая, с длинными, тонкими руками, с пальцами, что заканчивались иглами. Кожа — серая, блестящая, как у мёртвой рыбы. Лицо — без глаз, без носа, только рот — огромный, полный зубов, острых, как бритвы.
Она жевала.
В её пасти — что-то красное. Кровь. И кости.
Навья гончая. Тварь, что питается страхом, что выслеживает добычу по запаху её ужаса.
Дружинники схватились за оружие. У некоторых дрогнули руки. У других — побледнели лица.
Свиатогор спешился. Медленно. Спокойно.
Он выхватил меч.
Не обычный меч — тот, что нашёл в руинах острога Предтеч, обломок клинка Дивьих. Металл, что не тупился, что светился в темноте, что резал даже варп-тварей.
— Не бойтесь, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали все. — Она одна. И она уже ранена. Видите? Кровь на её пасти — не наша. Она охотилась на кого-то другого. И теперь она злая. Голодная.
Тварь повернула голову. Посмотрела на них — туда, где должны были быть глаза.
И завывала.
Вой был таким, что у лошадей подкосились ноги. У людей — пошла кровь из ушей.
— Щиты! — крикнул Добрыня.
Воины выставили деревянные щиты, обитые железом. Луки натянули.
Тварь бросилась.
Она двигалась быстро — слишком быстро для такого огромного тела. Её когтистые руки метнулись к ближайшему воину — молодому парню по имени Всеслав, сыну кузнеца.
Свиатогор шагнул вперёд.
Ударил.
Клинок вошёл в бок твари. Она взвизгнула — не от боли, от ярости. Из раны хлынула не кровь, а дым, чёрный, вонючий.
Тварь дёрнулась, отскочила. Развернулась. Посмотрела на Свиатогора.
И поняла: этот — опаснее.
Она завывала снова. Но теперь в её вое было что-то новое — страх.
Свиатогор не дал ей бежать.
Он шагнул вперёд. Ударил снова. На этот раз — в грудь.
Клинок прошёл насквозь.
Тварь замерла. Её рот открылся, но не издал звука. Из раны хлынул свет — белый, яркий, как Сварожий огонь.

И она рассыпалась.

Не упала. Не сдохла. А рассыпалась — в пепел, в дым, в ничто. Остался только запах — серы и гнили.

Тишина.

Свиатогор стоял, тяжело дыша. Его меч дымился.

Добрыня подошёл.

— Княжич... Ты убил её. Один.

Свиатогор кивнул.

— Она была ранена, — сказал он. — Иначе — не справились бы. Навьи гончие не ходят поодиночке. Если одна здесь — значит, рядом стая.

Он посмотрел на лес.

— Нам нужно идти. Быстро. До Ирия — полдня пути. Если стая близко — мы не успеем.

Они ехали быстро.

Лес шептал громче. Деревья тянули к ним ветви, словно хотели схватить, удержать, не отпустить. Тени становились гуще. Воздух — холоднее.

Но больше тварей не было.

И вот — лес расступился.

Перед ними открылась долина.

И дым.

Дым висел над ней, как саван. Запах гари, смешанный с чем-то сладковатым, тошнотворным. Запах сожжённой плоти.

Свиатогор остановил коня на гребне холма.

Ирия не было.

Острог стоял на высоком берегу реки Ирпень — не широкой, но быстрой, с водой, чистой, как слёзы. Вокруг него раскинулись поля — ячмень, рожь, лён. За полями — деревни, где жили смерды, вольные крестьяне, что платили дань князю, но не были его рабами.

Теперь поля были выжжены. Деревни — пепелища. А острог...

Острог был ещё дымящейся грудой обугленных брёвен.

Частокол — тот самый, что ставили три года назад, дубовый, в два обхвата, — был повален. Ворота — сорваны с петель. Внутри, среди руин теремов и клетей, чернели провалы — там, где провалилась земля, не выдержав жара.

И тишина.

Не та тишина, что бывает ночью, когда все спят. Не та, что бывает в лесу перед грозой. А мёртвая тишина. Тишина, где не лает собака, не плачет ребёнок, не ругается баба у колодца. Тишина, где даже ветер боится шевелить пепел.

Свиатогор спешил. Его сапоги хрустнули по обугленной земле.

— Княжич, — тихо позвал Добрыня. — Может... может, не надо? Может, они ушли? В леса? В пещеры?

Свиатогор не ответил. Он знал: никто не ушёл.

Он пошёл вперёд.

Пепел хрустел под ногами. Где-то вдалеке треснуло бревно — и рухнуло, подняв облако серой пыли. Свиатогор не вздрогнул. Он шёл, как лунатик, прямо, не глядя по сторонам, но видя всё.

Вот — обгоревший остов кузни. Рядом — тело. Мужчина, когда-то сильный, с руками, что ковали плуги и мечи. Теперь — обугленный скелет, сжимающий что-то в руке. Свиатогор наклонился, разжал пальцы. Гвоздь. Недоделанный гвоздь. Мастер умер, не закончив работу.

Вот — колодец. Вода в нём почернела, покрыта маслянистой плёнкой. Рядом — детский башмачок, маленький, с вышитым цветком. Свиатогор отвернулся.

Вот — площадь, где по праздникам плясали, где торговали, где судились. Теперь — яма, провал, в котором чернеют кости. Много костей. Детских.

Добрыня подошёл сзади.

— Княжич... Я не вижу никого. Ни живых, ни... — он запнулся. — Ни мёртвых тел. Только кости. И пепел.

Свиатогор кивнул. Он понял.

— Навьи, — сказал он глухо. — Не просто твари. Навьи-лихие. Те, что забирают души. Те, что утаскивают в Изнанку. Они не едят плоть — они едят страх. И они забрали их всех.

Дружинники переглянулись. У некоторых дрогнули лица. Навьи-лихие — это не просто монстры. Это духи, что сводят с ума, что шепчут голоса умерших, что заставляют резать своих детей, думая, что это твари.

— Искать выживших, — приказал Свиатогор. — Проверить подвалы. Погреба. Может, кто спрятался. Может, кто ушёл в леса.

Воины разошлись. Свиатогор остался стоять посреди площади.

Он закрыл глаза.

И увидел.

Увидел, как горит острог. Увидел, как его отец, князь Ярополк Старый, стоит на стене, с мечом в руке, и кричит что-то — не слова, а ругательство, проклятие. Увидел, как из-за частокола лезут они — высокие, тощие, с глазами, как угли, с пальцами, длинными, как иглы. Увидел, как отец падает. Увидел, как мать — его мать, которую он не помнит, которую потерял в детстве, но которой рисовал в снах — выбегает из терема, с младенцем на руках. Увидел, как её настигает тварь.

Он открыл глаза.

Нет. Это не воспоминание. Это видение. Навь шепчет ему, дразнит, показывает, что могло быть.

— Хватит, — сказал он вслух. — Я не боюсь тебя.

И пошёл дальше.

Княжеский терем стоял на самом высоком месте острога — на холме, окружённом рвом. Теперь ров был завален обломками, а терем...

От терема остался только фундамент. Каменный, крепкий, положенный ещё дедом Свиатогора. Стены — обугленные обрубки. Крыша — провалилась внутрь.

Свиатогор спустился в подвал.

Там было темно, но он нёс факел. Свет выхватывал из тьмы детали — разбитые бочки, гнилые мешки, и...

Тела.

Много тел. Женщины, дети, старики — те, кто не успел бежать, кто спрятался здесь, думая, что стены спасут. Они не спасли. Навьи протекли сквозь камень, как вода сквозь песок.

Свиатогор шёл между телами, стараясь не смотреть на лица. Но глаза сами находили их — застывшие, полные ужаса, с открытыми ртами, словно они кричали до последнего вздоха.

В дальнем углу, за перевернутым столом, он нашёл его.

Князь Ярополк Старый лежал на спине. Его грудь была распорота — не когтями, не зубами, а чем-то острым, тонким, как игла. Сердце — вырвано. Рана была чёрной, обугленной, словно её прижгли изнутри.

Но лицо...

Лицо было спокойно. Глаза — открыты, но не полны ужаса. В них — что-то другое. Решимость? Злость? Понимание?

В правой руке князь сжимал что-то. Пальцы — окостеневшие, мёртвые, но сжатые так крепко, что Свиатогор не смог разжать их сразу.

Он присел на корточки. Положил руку на плечо отца.

— Батько, — тихо сказал он. — Я пришёл.

И потянул руку.

Пальцы хрустнули. В ладони князя лежала металлическая пластинка — тонкая, лёгкая, из неизвестного металла, не ржавого, не тусклого. На ней — странные знаки, не руны, не буквы, а что-то иное. И... тепло. Пластинка была тёплой, словно живой.

Свиатогор сжал её в кулаке.

И почувствовал.

Не звук. Не голос. А знание. Внезапное, чёткое, как удар молота.

«Иди. Под теремом. Глубже. Там — Кузница. Там — ответ».

Он вздрогнул.

Это не было видением. Это не был шёпот Нави. Это было... напоминание. Как будто кто-то, давно умерший, оставил ему послание.

Он встал. Посмотрел на отца.

— Ты знал, — сказал он. — Ты знал, что они придут. И ты оставил мне путь.

Он наклонился, закрыл отцу глаза.

— Спи, батько. Я закончу, что ты начал.

Он вышел из подвала.

На улице его ждали дружинники. И... выжившие.

Трое. Двое детей — мальчик лет семи и девочка лет пяти, грязные, оборванные, с глазами, полными ужаса. И старик — слепой, с белыми, мутными глазами, в лохмотьях волхва.

Добрыня подошёл.

— Княжич. Нашли их в погребе у кузнеца. Спрятались, когда твари пришли. Старик говорит, он волхв, изгнанный из древлян. Дети — сироты. Больше никого.

Свиатогор посмотрел на старика.

— Кто ты?

Старик повернул голову, словно слышал. Его слепые глаза — смотрели прямо на Свиатогора.

— Я — Боян, — сказал он. — И я ждал тебя, Железный.

Свиатогор нахмурился.

— Как ты узнал меня?

— Я увидел тебя, — ответил Боян. — Не глазами — я слеп. Душой. Я чувствую Навь, как другие чувствуют холод. И я чувствую тебя — как огонь, что идёт сквозь тьму. Ты — тот, кого ждали.

Свиатогор молчал.

Потом он поднял руку, сжал в кулаке металлическую пластинку.

— Все, кто хочет жить, — сказал он громко, так, чтобы услышали все, — слушайте меня.

Дружинники, дети, старик — все замерли.

— Ирия больше нет. Нашего дома больше нет. Тех, кого мы любили, — больше нет. Навь забрала их. Навь смеётся над нами.

Он сделал шаг вперёд.

— Но я не позволю ей смеяться.

Он поднял пластинку.

— Есть место. Под теремом. Глубже. Там — Кузница. Кузница Предтеч. Дивных Людей, что строили города из света. Там — оружие. Там — сила. Там — ответ.

Он посмотрел на Бояна.

— Ты поведёшь меня?

Боян кивнул.

— Я поведу. Но знай, Железный: то, что ты найдёшь там, изменит тебя. И ты не сможешь вернуться назад.

Свиатогор усмехнулся. Мрачно.

— Назад — некуда.

Он повернулся к дружинникам.

— Кто со мной — идите. Кто хочет уйти — идите. Я не держу. Но знайте: в лесах — смерть. В острогах — смерть. Единственный путь — вперёд. Сквозь Навь. К звёздам.

Никто не ушёл.

Даже дети.

Они спустились в подвал. Боян шёл впереди, ведомый не глазами, а чем-то иным. Он остановился у дальней стены, постучал посохом.

— Здесь, — сказал он. — Полный звук.

Свиатогор подошёл. Приложил ладонь к камню.

И почувствовал тепло. То же, что от пластинки.

Он достал меч — свой, обычный, стальной, с щербинами. И ударил.

Камень треснул.

Ещё удар. Ещё.

И стена рухнула.

За ней — тьма. И лестница, уходящая вниз.

Свиатогор взял факел. Шагнул.

Лестница вела глубоко. Очень глубоко. Воздух становился суше, холоднее. И пахло — не плесенью, не сыростью, а чем-то острым, металлическим, как перед грозой.

Наконец — пол. Ровный, гладкий, не каменный, не деревянный. Металлический.

Свиатогор поднял факел.

И увидел.

Зал. Огромный, высокий, с потолком, теряющимся во тьме. Стены — из того же металла, что и пластинка. И — машины. Станные, невиданные, с мигающими огоньками, с гудением, тихим, как дыхание спящего зверя.

В центре зала — консоль. И над ней — голограмма. Женщина. Дивья. Высокая, с сияющей кожей, в белых одеждах.

Она повернула голову. Посмотрела на Свиатогора.

И заговорила. На языке, который он не знал. Но понял.

«Наследник. Ты пришёл. Кузница ждёт. Сварожий огонь — в твоих руках. Иди. Куй. Спасай».

Свиатогор шагнул вперёд.

Положил руку на консоль.

И мир — вспыхнул.

Свет лился отовсюду.

Не от факелов — те давно погасли, стоило им шагнуть в зал. Свет шёл от самих стен, от пола, от машин, что гудели, словно живые. Он был мягким, голубоватым, как лунный свет, но холоднее. И он не дрожал — был ровным, постоянным, как дыхание спящего великана.

Голограмма Дивьей Женщины — та, что говорила с ним на забытом языке, но слова которого он понимал, — замерла, ожидая.

За его спиной — дружинники. Добрыня, воевода, сжимал рукоять меча так, что побелели костяшки. Остальные одиннадцать — кто с секирами, кто с луками, все — с глазами, полными ужаса и благоговения. Они никогда не видели такого. Никто не видел.

И Боян.

Слепой волхв стоял, повернув лицо к свету. Его мутные, белые глаза — смотрели в никуда. Но на губах — улыбка. Тихая, почти счастливая.

— Железный, — прошептал он. — Ты нашёл её. Кузницу.

Свиатогор не ответил сразу. Он смотрел на голограмму. На её сияющую кожу, на одежды, что текли, как вода. На глаза — огромные, тёмные, полные знания, что старше звёзд.

— Кто ты? — спросил он.

Голограмма повернула голову. Посмотрела на него. И заговорила снова. На том же языке — языке Дивьих, что он не учил, но понимал.

«Я — Эхо. Память Кузницы. Я — голос тех, кто был до тебя. Я — последний вздох Дивьих».

Свиатогор нахмурился.

— Дивьих? Предтеч? Тех, что строили города из света?

«Да. Тех, кто пал. Тех, кто забыл страх — и потому погиб. Я — их завещание. Их надежда. Их проклятие».

Свиатогор молчал. Он чувствовал — голограмма не лжёт. Но и не говорит всей правды. В её словах — что-то скрытое. Что-то, чего она не хочет открывать.

— Зачем я здесь? — спросил он. — Что мне делать?

«Ковать, — ответила Эхо. — Ковать оружие. Ковать броню. Ковать воинов. Ты — Наследник. Твоя кровь — ключ. Твоя воля — огонь. Кузница — твой инструмент».

Свиатогор посмотрел на свои руки. Простые руки воина. С мозолями от меча, с шрамами от стрел. Не руки кузнеца. Не руки творца.

— Я не умею, — сказал он.

«Научись. Кузница научит. Машины — научат. Но сначала — ты должен понять. Понять, против чего ты куйдёшь».

Свиатогор кивнул.

— Тогда расскажи. Расскажи всё.

Они сели на полу зала — Свиатогор, Боян, дружинники. Голограмма Эхо — парила над консолью, мерцающая, как свеча на ветру. И она рассказывала.

Она рассказывала о Дивьих Людях — как они родились на этой планете, как построили первые города, как научились повелевать огнём и водой, как полетели к звёздам. Как они были прекрасны — выше людей, сильнее, умнее. Как они жили тысячами лет, не зная болезней, не зная старости.

Она рассказывала о Нави — о Бездне, что лежит за пределами материального мира. О море душ, о хаосе, о тьме, что дышит. О том, как Дивьи открыли Врата в Навь — из гордыни, из желания покорить всё, что не покорено.

И о том, что они нашли там.

— Чернобога, — прошептал Боян. Его голос дрожал. — Я знал. Я чувствовал. Но не знал имени.

«Да, — кивнула Эхо. — Чернобог. Не бог — ибо боги не нуждаются в крови. Сущность. Паразит. Тот, что питается страхом, что растёт на отчаянии. Тот, что спал в Нави — и пробудился, когда Дивьи открыли Врата».

Она замолчала. Посмотрела на Свиатогора.

«Ваши боги — Перун, Велес, Морана — это не боги. Это — эхо. Осколки Чернобога. Его слуги. Его маски. Они пришли к вам, когда вы одичали, когда забыли Дивьих. Они дали вам надежду — но надежду, что кормит их. Вы приносите жертвы — и они растут. Вы боитесь — и они жиреют».

Свиатогор сжал кулаки.

— Значит, мы кормим их? Все эти годы — мы кормим их нашим страхом?

«Да. И чем больше вы боитесь — тем сильнее они. Чем больше жертв — тем ближе Навь. Вы строите остроги — и они смеются. Вы зажигаете костры — и они ждут. Вы молитесь — и они голодают. Но скоро — они наедятся. И тогда — конец».

Тишина.

Дружинники переглядывались. У некоторых — слёзы на глазах. У других — злость. Добрыня сжимал меч так, что тот дрожал.

— Что же делать? — спросил он хрипло. — Как победить?

Эхо посмотрела на него. Потом — на Святигора.

«Перестать верить. Перестать бояться. Перестать кормить. Сжечь идолов. Забыть имена. И ковать — новое. Новое оружие. Новую веру. Веру не в богов — а в себя. В человечество. В его волю. В его железо».

Святигор встал.

— Где идолы? — спросил он. — Где Перун? Где Велес? Где Морана?

Боян поднялся тоже. Опираясь на посох, но спина — прямая.

— В Ирии, — сказал он. — На площади. Три идола. Дубовые, в рост человеческий. Их ставили каждый год перед праздником Купалы.

Святигор кивнул.

— Пойдём.

Они поднялись наверх.

Солнце — то, что пробивалось сквозь пепельную пелену, — клонилось к закату. Небо было багровым, как запёкшаяся кровь. Воздух — тяжёлым, пахло гарью и чем-то сладковатым, тошнотворным.

Площадь — то, что от неё осталось, — была пуста. Только пепел да обугленные брёвна.

Но в центре — стояли они.

Три идола.

Высокие, в рост человеческий, из тёмного дуба, почерневшего от времени и дыма. Лица — грубо вырезанные, но выразительные.

Первый — Перун. С бородой, с глазами, что смотрят грозно, с секирой в руке. Гром и молния.

Второй — Велес. С рогами, с глазами, что смотрят хитро, с посохом в руке. Скот и богатство.

Третий — Морана. Женщина, с длинными волосами, с глазами, что смотрят печально, с чашей в руке. Смерть и зима.

Святигор подошёл к ним.

Посмотрел на Перуна.

— Ты — не бог, — сказал он тихо. — Ты — паразит. Ты — тень. Ты — ложь.

Он достал факел — тот, что нёс с собой из Кузницы. Тот, что горел Сварожьим огнём — алхимической субстанцией, что Боян дал ему ещё до похода. Огонь был белым, ярким, не гаснущим на ветру.

Он поднёс факел к Перуну.

Дерево вспыхнуло мгновенно.

И — завывало.

Не треск горящего дерева. Не шум пламени. А вой. Высокий, пронзительный, полный ярости и боли. Вой, от которого заложило уши, от которого задрожала земля.

Святигор отшатнулся.

— Что это?! — крикнул Добрыня.

Боян повернул голову. Его слепые глаза — расширились.

— Навь, — прошептал он. — Навь гневается. Мы задели её. Мы ранили её маску.

И тогда — земля задрожала.

В центре площади, там, где раньше был колодец, земля вспучилась. Как будто что-то огромное, невидимое, билось из-под земли, рвалось наружу.

Потом — раздался хруст. И земля лопнула.

Из разлома — хлынула тьма. Не тень, не дым. А тьма — живая, текучая, как смола. Она клубилась, выла, тянулась к небу, как щупальца.

И из неё — вышла она.

Тварь.

Высокая — выше человека в три раза. Тощая, с длинными, тонкими руками, с пальцами, что заканчивались иглами. Кожа — серая, блестящая, как у мёртвой рыбы. Лицо — без глаз, без носа, только рот — огромный, полный зубов, острых, как бритвы.

И оно выло.

Вой был таким, что у дружинников пошла кровь из ушей. У детей — истерика. Добрыня упал на колени, зажав голову руками.

Свиатогор — стоял.

Он смотрел на тварь. Не мигая. Не дрогнув.

— Ты — посланец Перуна? — спросил он тихо.

Тварь повернула голову. Посмотрела на него — туда, где должны были быть глаза.

И бросилась.

Она двигалась быстро — слишком быстро для такого огромного тела. Её когтистые руки — метнулись к Свиатогору.

Он отступил. В сторону. В последний момент. Когти — рассекли воздух, оставив борозду в земле.

Свиатогор выхватил меч.

Не обычный меч — тот, что нашёл в руинах острога, обломок меча Дивьих. Клинок из неизвестного металла, что не тупился, что светился в темноте, что резал даже варп-тварей.

Он ударил.

Клинок — вошёл в руку твари.

И она взвизгнула. Не от боли — от ярости. Из раны — хлынула не кровь, а дым, чёрный, вонючий. Тварь дёрнулась, отскочила.

Свиатогор не дал ей опомниться.

Он шагнул вперёд. Ударил снова. На этот раз — в грудь.

Клинок — прошёл насквозь.

Тварь — замерла. Её рот — открылся, но не издал звука. Из раны — хлынул свет. Белый, яркий, как Сварожий огонь.

И она — рассыпалась.

Не упала. Не сдохла. А рассыпалась — в пепел, в дым, в ничто. Остался только запах — серы и гнили.

Тишина.

Свиатогор стоял, тяжело дыша. Его меч — дымился.

Боян подошёл. Опирался на посох.

— Ты убил её, — сказал он. — Ты убил её посланца.

Свиатогор кивнул.

— Значит, они боятся, — сказал он. — Значит, мы можем их ранить.

Он повернулся к дружинникам.

— Слушайте меня! — крикнул он. — Вы видели! Вы видели, что они есть! Перун, Велес, Морана — это не боги! Это твари! Это паразиты! Они кормятся нашим страхом! Они смеются над нашими молитвами!

Дружинники подняли головы.

— Но мы больше не будем бояться! — продолжил Свиатогор. — Мы больше не будем молиться! Мы будем ковать! Мы будем сражаться! Мы убьём их всех — до единого! Мы сожжём Навь дотла!

Он поднял меч.

— Кто со мной — клянётся! Кто против — уходит! Но знайте: в лесах — смерть. В острогах — смерть. Единственный путь — вперёд! Сквозь тьму! К звёздам!

Добрыня поднялся. Вытер кровь из ушей.

— Я с тобой, — сказал он. — До конца.

Остальные — один за другим — поднялись.

— Я с тобой.

— Я с тобой.

— Я с тобой.

Даже дети — мальчик и девочка — подняли маленькие кулачки.

Свиатогор кивнул.

— Тогда идём. Идём в Кузницу. Идём ковать. Идём — ковать судьбу.

Они спустились обратно.

Эхо — всё ещё парила над консолью. Она посмотрела на Свиатогора.

«Ты сделал первый шаг, — сказала она. — Но это — только начало. Впереди — много шагов. Много битв. Много смертей. Ты готов?»

Свиатогор посмотрел на неё.

— Нет, — сказал он. — Но я пойду.

Эхо кивнула.

«Тогда — куй. Кузница ждёт».

И машины — загудели громче. Огни — вспыхнули ярче.

Сварожья Кузница — проснулась.

Но в этот момент Боян схватил Свиатогора за руку — его слепые глаза расширились, а голос задрожал от ужаса:

— Железный... Они идут. Из Нави. Они почувствовали, что ты разбудил Кузницу. И они... они уже здесь.

Где-то глубоко, под полом зала, что-то зашевелилось. Что-то огромное. Что-то, что спало здесь дольше, чем жили Дивьи.

И оно просыпалось.

Глава 2 - Пробуждение Стража

Пол задрожал.

Не как при землетрясении — не волнами, а ритмично, словно кто-то огромный бился из-под земли, считая удары сердца. С потолка посыпалась пыль. Машины — те, что гудели тихо, словно спящие звери, — взвизгнули, замигали тревожными красными огнями.

Эхо — голограмма Дивьей Женщины — дёрнулась. Её лик исказился, словно рябь по воде.

«Внимание, — произнёс её голос, теперь уже не мягкий, а резкий, как удар металла о металл. — Нарушение протокола. Пробуждение объекта «Страж». Уровень угрозы — критический».

Свиатогор сжал меч.

— Что это?

«Страж. Защитник Кузницы. Создан Дивьими, чтобы охранять это место. Он спал тысячу лет. Но твой приход... твой клинок Дивьих... он почувствовал. И проснулся».

— Он — друг или враг?

Эхо замерла. Её образ мигнул.

«Он — испытание. Если ты истинный Наследник — он признает тебя. Если нет...»

Она не закончила.

Не надо.

Пол в центре зала — разошёлся.

Плиты металла, каждая в рост человека, поползли в стороны, открывая чёрный провал. Из провала — поднялся он.

Существо.

Не тварь Нави. Не человек. Нечто иное.

Высокий — под три метра. Сложенный из бронзовых и чёрных пластин, скреплённых светящимися жилами, словно венами, по которым текла жидкая молния. Голова — без лица, только гладкий шлем с одним горящим глазом в центре — алым, как раскалённый уголь. В руках — копьё, длинное, с наконечником, что мерцал, словно в нём горела звезда.

Курганник. Автоматон Предтеч. Страж.

Он шагнул из провала.

Пол застонал под его весом.

Его единственный глаз — повернулся к Свиатогору.

И зазвучал голос. Не из рта — из самого тела, из каждой пластины сразу. Низкий, гудящий, на языке Дивьих, который Свиатогор теперь понимал, но который резал уши, как пила.

«Наследник. Или вор. Испытание. Или казнь».

Добрыня шагнул вперёд, поднял меч.

Свиатогор остановил его жестом.

— Стой. Это — не для тебя.

Он шагнул навстречу Стражу.

Курганник не ждал.

Он двигался — быстро. Слишком быстро для такой махины металла. Копьё метнулось — не как удар, а как молния.

Свиатогор отпрыгнул.

Копьё — ударило в пол, там, где он стоял мгновение назад. Металл взорвался. Осколки полетели во все стороны. Один — рассёк Щёку Добрыни, другой — выбил факел из руки у одного из дружинников.

— Назад! — крикнул Свиатогор. — Все — назад!
Дружинники отступили. Боян — потянул детей за собой, закрыв их своим телом.
Свиатогор остался один.
Против машины.
Против того, что было создано, чтобы убивать богов.
Страж сделал второй шаг.
Его копьё — снова поднялось.
Свиатогор смотрел. Не на оружие. На глаз. На единственный, горящий алым глаз в центре шлема.
Он вспомнил.
Вспомнил, как убивал навью тварь. Они — сильные. Они — быстрые. Но у них есть одно — они питаются страхом. Они читают его, как книгу.
А это? Это — машина. У неё нет страха. У неё нет души. Но у неё есть — протокол.
«Испытание. Или казнь».
Значит, есть выбор.
Значит, он может пройти испытание.
Но как?
Свиатогор посмотрел на свой меч. На обломок клинка Дивьих. Тот самый, что светился в темноте. Тот самый, что резал варп-тварей.
Он сжал его крепче.
И — опустил.
Опустил меч. Медленно. Спокойно.
Добрыня ахнул.
— Княжич! Что ты делаешь?!Свиатогор не ответил.
Он шагнул вперёд. Без оружия наготове. Без защиты. Прямо на Стража.
Копьё — замерло в ударе.
Алый глаз — мигнул.
«Наследник... не атакует?» — прогудел Страж.
— Нет, — сказал Свиатогор. — Я — не вор. Я — сын этой земли. Сын тех, кто пал. Сын тех, кто забыл. Но я — пришёл. Я — нашёл Кузницу. Я — здесь.
Он положил меч на пол.
Перед Стражем.
— Испытай меня, — сказал он. — Не силой. А правдой.
Тишина.
Машины — гудели. Красные огни — мигали.
Страж — стоял. Его копьё — всё ещё было поднято. Его глаз — смотрел на Свиатогора.
Долго.
Очень долго.
Потом — копьё опустилось.
Алый глаз — сменил цвет. Стал — белым. Холодным, чистым, как зимнее солнце.
«Испытание — пройдено, — прогудел Страж. — Ты — не вор. Ты — Наследник. Воля — сильнее стали. Разум — быстрее руки. Ты — достоин».
Он шагнул в сторону.
И — опустился на одно колено.
Перед Свиатогором.
«Я — Страж. Моё имя — Перун-Семь. Я — служил Дивьим. Теперь — служу тебе. Приказывай, Наследник».
Свиатогор выдохнул.

Он не понимал, что только что произошло. Но он чувствовал — что-то изменилось. Что-то большое.

Он поднял меч.

— Встань, Перун-Семь.

Страж поднялся.

— Веди нас, — сказал Святигор. — Покажи, что может Кузница. Покажи, что мы можем сделать.

Страж кивнул.

И — развернулся.

«Идём, Наследник. В сердце Кузницы. Там — колыбель. Там — огонь. Там — то, что изменит мир».

Они шли долго.

Кузница оказалась больше, чем казалось. За главным залом — коридоры, уходящие вглубь земли, в стороны, вверх. Стены — гудели. Машины — мигали. Воздух — пах озоном и чем-то сладким, как перед грозой.

Перун-Семь шёл впереди. Его тяжёлые шаги — отдавались эхом. Его копье — светилось, освещая путь.

Святигор шёл за ним. За ним — Добрыня, Боян, дружинники, дети.

Они прошли через залы, полные странных машин — одни плавил металл без огня, другие — резали воздух, как нож, третьи — шептали на забытых языках, словно молились.

Они прошли через сады — да, сады, под землёй, где росли деревья со светящимися листьями, где текли ручьи с водой, чистой, как слёзы, где цвели цветы, что не видели солнца тысячу лет.

Они прошли через залы памяти — где на стенах горели голограммы Дивьих, где звучали их голоса, где жили их лица. Святигор видел — мужчин и женщин, прекрасных, высоких, с глазами, полными знания. Они смотрели на него. И — улыбались.

«Это — наши отцы, — прошептал Боян. — Это — Дивьи. Это — те, кем мы могли быть».

Святигор не ответил. Он чувствовал — что-то сжимается в груди. Не страх. Не жалость. А — злость.

За них.

За то, что они погибли.

За то, что их забыли.

За то, что их дети — одичали.

Наконец — они дошли.

Сердце Кузницы.

Огромный круглый зал. В центре — Колыбель.

Она выглядела — как саркофаг. Длинный, из белого металла, с крышкой, что светилась изнутри. Вокруг — машины, трубы, кристаллы, что пульсировали, как сердца.

Рядом — Горн.

Огромная чаша, наполненная чем-то жидким, белым, горячим, как расплавленное солнце. Это и был **Сварожий огонь** — не просто алхимия, а сама суть, что Дивьи добывали из недр мира, что давала жизнь, что давала силу.

И — Наковальня.

Чёрная, матовая, с рунами, что переливались. На ней — лежали заготовки. Клинок. Нагрудник. Поножи. Шлем. Всё — незаконченное, ждущее руки мастера.

«Это — сердце, — сказал Перун-Семь. — Колыбель — создаёт воинов. Горн — даёт огонь. Наковальня — куёт оружие. Ты — Наследник. Ты — мастер. Ты — творец».

Святигор подошёл к Наковальне.

Положил руку на неё.

И — почувствовал.

Не тепло. Не холод. А — знание. Как держать молот. Как бить. Как гнуть металл. Как вливать в него волю.

Это было не его знание. Это — знание Дивьих, что хранилось в Наковальне тысячу лет. И теперь — перешло к нему.

Он взял молот.

Тяжёлый, с рукоятью, что легла в руку, как влитой.

Посмотрел на заготовку клинка.

И — ударил.

Первый удар.

Металл — звякнул. Искры — брызнули. Но не обычные — белые, яркие, что висели в воздухе, как звёзды.

Второй удар.

Заготовка — дрогнула. И — начала менять форму. Под ударом, под волей, под огнём.

Третий удар.

И Свiatoгор понял.

Он не просто куёт меч.

Он куёт — судьбу.

Каждый удар — это решение. Каждый изгиб — это выбор. Каждая искра — это жизнь, что родится от этого клинка.

Он бил.

Долго.

Час. Два. Три.

Дружинники смотрели, затаив дыхание. Боян — шептал что-то, словно молился. Добрыня — не сводил глаз. Дети — уснули, прижавшись друг к другу.

И — наконец.

Свiatoгор опустил молот.

На Наковальне — лежал клинок.

Длинный, чуть изогнутый, с лезвием, что светилось изнутри, словно в нём горела звезда. Рукоять — из белого металла, с рунами, что переливались. На лезвии — имя, выкованное самим огнём.

«ЯРОСЛАВ»

«Клинок — готов, — сказал Перун-Семь. — Имя — твоё. Сила — Сварожья. Он — будет резать тьму. Он — будет жечь Навь. Он — будет первым».

Свiatoгор взял клинок.

Почувствовал — как он лёг в руку, как стал продолжением её, как стал частью его.

Он взмахнул.

Воздух — рассёкся. И — на мгновение — в рассечении мелькнуло что-то. Не пустота. А свет. Чистый, яркий, как первый луч солнца после тысячи лет тьмы.

— Это — начало, — сказал Свiatoгор.

Он повернулся к дружинникам.

— Завтра — мы выкуем ещё. Для каждого из вас. Завтра — мы наденем броню. Завтра — мы станем — другими.

Он посмотрел на Колыбель.

— А потом — мы создадим воинов. Таких, каких мир не видел. Таких, что будут выше нас. Сильнее нас. Быстрее нас. Таких, что поведут наши армии. Таких, что очистят галактику от тьмы.

Боян поднял голову.

— Как мы назовём их, Железный?

Свиатогор задумался.

И — ответил:

— Богатыри.

Они работали до рассвета.

Если вообще можно было назвать рассветом то, что происходило на поверхности, где солнце пробивалось сквозь пепельную пелену, как раненый зверь.

Свиатогор — ковал.

Он не уставал. Не хотел есть. Не хотел пить. Молот — стал его рукой. Горн — его сердцем. Наковальня — его волей.

Он выковал двенадцать клинков — по одному для каждого дружинника. Каждый — со своим именем, со своим характером, со своей силой. Добрыня получил «ДОБРОСЛАВ» — тяжёлый, широкий, для ближнего боя. Молодой Всеслав — «ВСЕСЛАВ» — лёгкий, быстрый, для точных ударов.

Он выковал двенадцать нагрудников — из того же металла, что и пластинка его отца. Тонких, лёгких, но прочнее любой стали. С рунами, что светились в темноте. С пластинами, что повторяли движения тела, как вторая кожа.

Он выковал двенадцать шлемов — с забралами, что опускались, с султаном из конского волоса, с наушами, что защищали от шёпота Нави.

И — он начал.

Начал — первого.

Колыбель — приняла его.

Не всего. Только — руку.

Свиатогор положил правую руку в Колыбель. Машины — зажужжали. Трубы — загудели. Кристаллы — засияли.

Он почувствовал — как что-то входит в его кровь. Не боль. А — изменение. Как будто каждая клетка его тела — перестраивается, усиливается, очищается.

«Первый этап — завершён, — сказал Перун-Семь. — Твоя кровь — изменена. Ты — теперь — больше, чем человек. Ты — Наследник в полной мере. Ты — можешь ковать других».

Свиатогор вытащил руку.

Посмотрел на неё.

Рука — не изменилась внешне. Но он чувствовал — она стала другой. Сильнее. Быстрее. Точнее.

Он сжал кулак.

Воздух — хрустнул.

— Это — только начало, — сказал он.

Он повернулся к дружинникам.

— Завтра — я начну с вас. По одному. Каждый — пройдёт через Колыбель. Каждый — станет — Богатырём.

Добрыня шагнул вперёд.

— Княжич... Это — безопасно?

Свиатогор посмотрел на него.

— Нет, — сказал он честно. — Дивьи — не знали, во что превратятся их дети. Они надеялись. Как и мы. Но знай, Добрыня: без этого — мы обречены. Навь — сильнее нас. Тварей — больше, чем нас. Острогов — не хватит. Молитв — не хватит. Нам — нужно стать другими. Нам — нужно стать — оружием.

Добрыня молчал.

Потом — кивнул.

— Я — первый, — сказал он. — После тебя.

Свиатогор положил руку ему на плечо.

— Ты — верный, — сказал он. — И ты — будешь — первым из моих воевод. Первым из Богатырей.

Рассвет — пришёл.

Если его можно было так назвать. Свет — стал чуть светлее. Пепельная пелена — чуть прозрачнее. Но солнце — всё равно не было видно.

Свиатогор вышел на поверхность.

Вдохнул.

Воздух — пах гарью, пеплом, гнилью. Но — ещё чем-то. Чем-то новым.

Надеждой?

Может быть.

За ним — вышли остальные. Боян, опираясь на посох. Добрыня, с новым клинком на поясе. Дружинники — с нагрудниками, что светились в предрассветной мгле. Дети — держась за руки взрослых.

Они стояли на пепелище Ирия.

И — смотрели на восток.

Туда, где всходило солнце.

— Что теперь, Железный? — спросил Боян.

Свиатогор посмотрел на него.

— Теперь — мы пойдём, — сказал он. — Не к звёздам — пока рано. Сначала — к соседям. К тем, кто выжил. К тем, кто прячется. К тем, кто ещё не знает, что боги — лживы. Мы — расскажем им. Мы — покажем им. Мы — дадим им выбор.

— А если они не выберут? — тихо спросил Добрыня.

Свиатогор помолчал.

— Тогда — мы заставим их, — сказал он. — Потому что у них — нет другого выбора. Либо — мы. Либо — Навь. Третьего — не дано.

И тут — они слышали.

Топот.

Много топота. Конского.

Свиатогор обернулся.

На холме, на том самом, где они вчера смотрели на пепелище, — появились всадники.

Много.

Не двенадцать. Не пятьдесят. Двести.

В чёрных одеждах. С секирами. С луками. С знамёнами — чёрными, с вышитым на них ликом Мораны.

И впереди — один.

Высокий. Худой. В плаще из вороньих перьев. С посохом, на конце которого — череп.

Вадим Древлянский.

Вождь древлян. Поклонник Нави. Тот, кто приносил жертвы Моране. Тот, кто верил, что только слияние с тьмой спасёт человечество.

Он остановил коня на гребне холма. Посмотрел вниз.

И — заговорил. Голос его — летел по ветру, чёткий, холодный, как лёд.

— Свиатогор! Сын Ярополка! Я — знаю, что ты нашёл! Я — чувствую, как проснулась Кузница! Моя Морана — шепнула мне!

Он поднял посох.

— Отдай мне Кузницу! Отдай мне огонь Дивных! И я — пощажу тебя. Я — сделаю тебя — своим жрецом. Ты — будешь служить Нави — и ты — будешь жить.

Свиатогор смотрел на него.

Спокойно.

— Нет, — сказал он.

Вадим усмехнулся.

— Тогда — я — возьму её силой. У меня — двести воинов. У тебя — пятнадцать. Считай, Железный. Считай — быстро.

Свиатогор посчитал.

Потом — улыбнулся.

Впервые — за много дней.

— Ты — ошибаешься, Вадим, — сказал он. — У меня — не пятнадцать.

Он поднял руку.

И — сжал кулак.

Где-то в глубине Кузницы — откликнулся Перун-Семь.

И — из-под земли, из-под пепелища, из-под обломков терема — поднялся он.

Трёхметровый. Бронзовый. С алым глазом. С копьём, что горело, как звезда.

Страж.

Вадим — побледнел.

Его воины — зашептались. Некоторые — попятити коней.

— У меня — не пятнадцать, — повторил Свиатогор. — У меня — один. Но этого — хватит.

Он шагнул вперёд.

— Уходи, Вадим. Уводи своих воинов. И — скажи своей Моране: её время — прошло.

Вадим смотрел на него.

Долго.

Потом — развернул коня.

— Это — не конец, Железный, — бросил он через плечо. — Это — только начало. Я — вернусь. Не один. Со всеми племенами, что поклоняются Нави. С тысячами воинов. И тогда — посмотрим, кто кого.

Он ударил коня пятками.

И — ускакал.

За ним — его двести всадников.

Тишина.

Свиатогор смотрел им вслед.

— Он — вернётся, — тихо сказал Добрыня.

— Знаю, — ответил Свиатогор.

— И он — приведёт тысячи.

— Знаю.

— Что мы будем делать?

Свиатогор повернулся к нему.

В его глазах — горел огонь. Не Сварожий. А — другой. Тот, что сильнее.

— Мы — будем ковать, — сказал он. — Мы — будем ковать — Богатырей. Мы — будем ковать — армию. Мы — будем ковать — флот. И когда он придёт — мы — встретим его.

Он посмотрел на небо.

На пепельную пелену, что скрывала звёзды.

— А потом — мы — пойдём туда. К звёздам. И мы — найдём других. Таких, как мы. Тех, кто выжил. Тех, кто помнит.

Он поднял клинок.

«ЯРОСЛАВ» — засиял в его руке.

— И мы — сожжём Навь дотла.

Глава 3 - Молот и Секира

Они работали семь дней и семь ночей.

Кузница не знала усталости — её машины гудели ровно, без передышки, словно сердце великана. Горн — пылал белым огнём, что не гас даже в воде. Наковальня — звенела под молотом, и каждый удар отзывался в костях, как удар колокола.

Свиатогор — ковал.

Не только оружие. Не только броню.

Он ковал — людей.

Первым в Колыбель лёг Добрыня.

Он разделся донага — только набедренная повязка да вера в глазах. Лёг на белый металл саркофага. Посмотрел на Свиатогора.

— Если я умру, — сказал он тихо, — похорони меня с мечом в руке.

Свиатогор кивнул.

— Ты не умрёшь.

Он опустил руку на консоль.

Машины — взвыли. Трубы — запели. Свет — хлынул из Колыбели, такой яркий, что пришлось отвернуться.

Добрыня — закричал.

Не от боли. От перемены. От того, что его тело — разбиралось на части и собиралось заново. Что его кровь — горела. Что его кости — переплавлялись. Что его мышцы — переплетались с чем-то новым, с чем-то, чего не было в человеке со времён Дивых.

Крик длился долго.

Потом — стих.

Свет — погас.

Из Колыбели — поднялся он.

Добрыня. Но — не тот Добрыня, что лёг.

Выше на голову. Шире в плечах. Кожа — чуть темнее, с бронзовым отливом, словно в неё влили расплавленную медь. Глаза — горели янтарём, в темноте светились, как у волка. Мышцы — перекатывались под кожей, как живые, готовые в любой момент разорвать любую цепь.

Он посмотрел на свои руки.

Сжал кулак.

Воздух — хрустнул.

— Княжич, — сказал он. Голос — ниже, гулче, с металлическим оттенком. — Я... я чувствую всё. Я слышу, как бьётся сердце у каждого в этом зале. Я чувствую, как течёт Сварожий огонь в Горне. Я... я — другой.

Свиатогор подошёл.

— Ты — первый, — сказал он. — Ты — Добрыня Белый. Воевода. Первый из Богатырей.

Он протянул ему клинок — «ДОБРОСЛАВ».

Добрыня взял его.

И — рассмеялся.

Впервые за много лет.

Один за другим — дружинники ложились в Колыбель.

Каждый — кричал. Каждый — менялся. Каждый — становился другим.

Всеслав — стал выше, быстрее, с глазами, что видели в темноте, как днём. Его клинок «ВСЕСЛАВ» — лёг в руку, как родной.

Остальные одиннадцать — прошли через перемену. Каждый — получил своё имя. Каждый — получил свой клинок. Каждый — стал Богатырём.

Двенадцать.

Двенадцать воинов, каких мир не видел тысячу лет.

Высоких. Сильных. Быстрых. С глазами, что горят в темноте. С кожей, что держит стрелу. С волей, что не знает страха.

Свиатогор смотрел на них.

И — чувствовал.

Не гордость.

Ответственность.

Он создал их. Он изменил их. Он — в ответе за то, кем они станут. За то, что они сделают. За то, кем они могут стать, если потеряют путь.

— Слушайте меня, — сказал он.

Двенадцать пар горящих глаз — повернулись к нему.

— Вы — больше не люди. Но вы — и не боги. Вы — Богатыри. Первые из тех, кого мы создадим. Ваша сила — не для того, чтобы править. Не для того, чтобы убивать. Ваша сила — чтобы защищать. Чтобы вести. Чтобы нести свет туда, где тьма.

Он поднял «ЯРОСЛАВ».

— Клянётесь?

Двенадцать кулаков — поднялись.

— Клянёмся! — прогремело в зале. — Роду! Железному! До конца!

На восьмой день — пришёл он.

Свиатогор почувствовал его раньше, чем увидел.

Не Колыбель. Не машины. А — земля.

Она дрогнула. Не от шагов Стража. От чего-то иного. От чего-то, что шло по поверхности, по пепелищу, по обломкам Ирия.

Он поднялся на холм.

И увидел.

Человек.

Огромный. Даже издалека — огромный. Выше любого из новых Богатырей. Широкий, как дверь в княжеский терем. Плечи — как у быка. Руки — как брёвна. Он шёл медленно, тяжело, каждый шаг — оставлял вмятину в пепле.

На его спине — висел молот.

Не обычный молот. Огромный, с рукоятью в рост человека, с бойком, что, казалось, был выкован из обломка брони Курганника. Металл — тёмный, матовый, с рунами, что светились тусклым зелёным светом.

Человек остановился у подножия холма. Посмотрел на Свиатогора.

Его лицо — было простым. Широким, с тяжёлой челюстью, с маленькими, глубоко посаженными глазами. Не умными — спокойными. Как у камня. Как у горы. Как у того, что знает свою силу и не нуждается в том, чтобы её доказывать.

— Ты — Железный? — спросил он. Голос — низкий, как гудение земли перед землетрясением.

— Я, — ответил Свиатогор.

— Меня зовут Микула. Я — кузнец. Из северян.

Он помолчал.

— Я — слышал, как стучит твой молот. Через три дня пути. Я — шёл на звук.

Свиатогор смотрел на него.

— Зачем?

Микула пожал плечами. Жест — тяжёлый, как всё в этом человеке.

— Я — кузнец, — повторил он. — Мой молот — стучит. Твой — стучит. Я — хочу посмотреть, кто кует громче.

Свиатогор усмехнулся.

— Спускайся.

Микула спустился в Кузницу.

Он шёл по залам, не удивляясь. Видел машины — кивал. Видел сады — кивал. Видел голограммы Дивьих — остановился, посмотрел долго, потом сказал:

— Красивые были. Жаль, что сдохли.

Добрыня — фыркнул.

Микула дошёл до сердца Кузницы. Увидел Колыбель. Горн. Наковальню.

И — замер.

Он смотрел на Наковальню долго. Очень долго.

Потом — подошёл.

Положил руку на неё.

И — улыбнулся.

Впервые.

— Она — живая, — сказал он тихо. — Она — помнит.

Свиатогор подошёл.

— Что ты чувствуешь?

Микула посмотрел на него.

— Всё, — сказал он. — Я чувствую — как металл дышит. Как огонь думает. Как руны — поют. Я — кузнец, Железный. Но я — никогда не чувствовал такого. Это — как... как будто я нашёл дом.

Свиатогор кивнул.

— Тогда — куй.

Микула ковал, как дышал.

Его молот — падал на наковальню, и каждый удар — был как удар сердца земли. Он не знал рун Дивьих. Не знал их языка. Но он — чувствовал металл, как никто другой.

Он выковал себе новый молот — «СИЛИЧ», по имени своего деда. Боек — из того же металла, что и броня Курганников. Рукоять — из белого дерева, что росло в подземных садах.

И — он попросил.

— Железный, — сказал он. — Пусти меня в Колыбель.

Свиатогор посмотрел на него.

— Ты — понимаешь, что это? Это — не просто сила. Это — перемена. Ты — не вернёшься прежним.

Микула кивнул.

— Я — знаю. Но я — хочу ковать. Не как человек. А как — гора. Как — камень. Я — хочу, чтобы мой молот — бил так, чтобы земля дрожала. Чтобы мои руки — гнули металл, как воск. Чтобы я — стал тем, кем должен был родиться.

Свиатогор положил руку ему на плечо.

— Тогда — ложись.

Микула вышел из Колыбели — другим.

Он стал ещё выше. Ещё шире. Его кожа — потемнела, стала серой, как гранит. Его глаза — светились тускло-зелёным, как рудная жила в скале. Его руки — стали такими, что могли бы вырвать дерево с корнем.

Он поднял «СИЛИЧ».

И — ударил по Наковальне.

Наковальня — не дрогнула.

А вот пол — треснул. Трещина — пошла по всему залу, на десять шагов в каждую сторону.

Микула посмотрел на трещину.

Потом — на Свiatoгoрa.

— Неплохо, — сказал он.

Свiatoгoр рассмеялся.

— Ты — Микула Сильный, — сказал он. — Ты — Каменный Тур. Второй из Богатырей. Ты — будешь моей стеной. Моим щитом. Моим камнем.

Микула кивнул.

— Я — буду твоим камнем, — сказал он. — Пока — стою.

Теперь их было четырнадцать.

Свiatoгoр — Железный. Повелитель. Первый среди равных.

Добрыня Белый — Воевода. Первый из Богатырей.

Микула Сильный — Каменный Тур. Второй из Богатырей.

И — двенадцать других.

Четырнадцать.

Армия.

Пока — маленькая. Но — качественная.

Каждый из них — стоил сотни обычных воинов. Каждый — мог в одиночку перебить отряд. Каждый — был — оружием.

Но Свiatoгoр знал: этого — мало.

Вадим вернётся. С тысячами. С десятками тысяч. С племенами, что поклоняются Нави.

И — тогда четырнадцати — не хватит.

На девятый день — пришёл гонец.

Он примчался на измученной лошади, в рваной одежде, с кровью на лице. Его звали Радивой. Он был из соседнего острога — Вышгорода, что стоял в дне пути от Ирия.

Он упал с коня у входа в Кузницу. Его подхватили.

— Железный! — хрипел он. — Железный, где ты?

Свiatoгoр вышел.

— Я здесь. Что случилось?

Радивой посмотрел на него — глазами, полными ужаса.

— Вадим, — выдохнул он. — Вадим — пришёл. Не к нам. К другим. К радимичам. К кривичам. К дреговичам. Он — собрал их. Он — собрал всех.

Свiatoгoр нахмурился.

— Сколько?

— Не знаю... тысячи... может, десять... может, двадцать... Он — идёт сюда. К Ирию. Он — сказал... он — сказал, что сожжёт тебя живьём. Что принесёт твою голову — в жертву Моране.

Он схватил Свiatoгoрa за руку.

— Железный... у нас — нет времени. Вышгород — не устоит. Мы — не воины. Мы — крестьяне. Мы — умрём.

Свiatoгoр посмотрел на Добрыню. На Микулу. На остальных Богатырей.

Потом — на Бояна.

Слепой волхв стоял, повернув лицо к нему. Его белые глаза — смотрели в никуда. Но на губах — была улыбка.

— Что ты видишь, старый? — спросил Свiatoгoр.

— Я вижу — войну, — ответил Боян. — Я вижу — кровь. Я вижу — огонь. Я вижу — как Навь смеётся. Но я вижу — и другое. Я вижу — как ты идёшь сквозь кровь. Я вижу — как ты стоишь на горе трупов. Я вижу — как ты поднимаешь меч к небу. И я вижу — как небо — расступается.

Он помолчал.

— Это — наша война, Железный. Это — война, что решит всё. Если мы победим — мы станем легендой. Если мы проиграем — нас забудут.

Свиатогор кивнул.

Он повернулся к Радивою.

— Скажи своему князю: спасайте женщин, детей, стариков. В пещеры. В леса. Куда угодно. А воинов — ко мне. В Ирий. Всех, кто может держать меч.

Радивой кивнул.

— А ты, Железный? Что ты будешь делать?

Свиатогор посмотрел на своих Богатырей.

На Перуна-Семь, что стоял рядом, неподвижный, как скала.

На Кузницу, что гудела в глубине.

На Горн, что пылал белым огнём.

— Я, — сказал он, — буду ковать.

Они ковали три дня.

Не оружие. Не броню.

Они ковали — ловушку.

Свиатогор знал: в открытом поле — не выстоять. Четырнадцать Богатырей против двадцати тысяч воинов — это не битва. Это — резня. Даже если каждый Богатырь убьёт тысячу — останутся ещё тысячи.

Но Ирий — это не поле.

Ирий — это острог. Разрушенный, сожжённый, но — острог. С частоколом. С рвом. С узкими проходами. С местами, где можно спрятаться. С местами, где один стоит десяти.

И — с Кузницей.

Свиатогор приказал.

Микула — копал. Своим «СИЛИЧЕМ» он бил по земле, и земля — расступалась. Он вырыл траншеи — глубокие, узкие, в человеческий рост. Замаскировал их ветками, пеплом, землёй.

Добрыня — ставил ловушки. Ямы с кольями. Силки из стальных тросов, что выковал Свиатогор. Мины — глиняные горшки, наполненные Сварожьим огнём, что взрывались от удара.

Остальные Богатыри — готовили позиции. На стенах. В проходах. В развалинах теремов.

А Свиатогор — ковал.

Он ковал — новое оружие.

Не клинки. Не молоты.

Он ковал — громовники.

Это было оружие, которое Дивьи оставили в чертежах Кузницы. Странные, непонятные, сложные. Трубки, что стреляли не стрелами, а — капсулами. Капсулами, внутри которых — искра Сварожьего огня.

Свиатогор собрал первый.

Длинный, в полтора локтя. Ствол — из белого металла. Ложа — из тёмного дерева. Механизм — сложный, с рунами, что светились.

Он взял капсулу — маленькую, с ноготь, с искрой внутри. Вложил в ствол.

Прицелился.

Нажал.

И — бахнуло.

Не звук. Удар. Как будто молния ударила в воздух. Капсула — вылетела из ствола со скоростью, которую глаз не мог отследить. И — врезалась в камень, в десяти шагах.

Камень — взорвался.

Не раскололся. Не треснул. А взорвался — в пыль, в осколки, в ничто. На его месте — осталась воронка в локоть глубиной.

Тишина.

Все — смотрели.

— Что... что это? — прошептал Радивой, что стоял рядом.

Свиатогор посмотрел на громовник.

— Это, — сказал он, — гром Перуна. Только — настоящий. Не тот, что в сказках. А тот, что убивает.

Он повернулся к Богатырям.

— Куйте. Куйте быстро. Нам — нужно сто громовников. К вечеру.

К вечеру десятого дня — они были готовы.

Сто громовников. Лежали в ряд, на Наковальне. Каждый — с десятком капсул.

Четырнадцать Богатырей — вооружились. Каждый — с громовником за спиной. Каждый — с клинком на поясе. Каждый — в броне, что светилась в темноте.

И — они ждали.

Вадим пришёл на рассвете одиннадцатого дня.

Свиатогор увидел их с холма.

Орда.

Не армия. Орда.

Они шли — как чёрная река. Как тьма, что течёт по земле. Тысячи — нет, десятки тысяч воинов. Радимичи. Кривичи. Дреговичи. Вятичи. Северяне, что предали. Древляне — в чёрных плащах, с знамёнами Мораны.

И — другие.

Странные. Высокие, тощие, с глазами, что светились изнутри. Жрецы Нави. Те, что призывали тьму. Те, что шептали имена Чернобога.

И — твари.

Много тварей. Навьи гончие. Лихие. Что-то ещё — огромное, что шло в центре орды, закрытое плащом из тьмы.

Вадим — ехал впереди. На чёрном коне. С посохом-черепом. Его лицо — горело безумием.

Он остановил коня у подножия холма. Посмотрел вверх.

— ЖЕЛЕЗНЫЙ! — заорал он. — ВЫХОДИ! ВЫХОДИ И УМРИ!

Свиатогор не вышел.

Он стоял на холме. Спокойно. Рядом — Добрыня, Микула, остальные Богатыри. За ними — Перун-Семь, неподвижный, как скала.

— Ты — привёл их всех, Вадим, — сказал Свиатогор. Голос его — летел по ветру, чёткий, холодный. — Ты — собрал все племена. Ты — привёл все свои силы.

— ДА! — заорал Вадим. — И СЕЙЧАС Я СОТРУ ТЕБЯ В ПОРОШОК! Я СОЖГУ ТВОЮ КУЗНИЦУ! Я ПРИНЕСУ ТВОЮ ГОЛОВУ МОРАНЕ!

Свиатогор усмехнулся.

— Тогда — иди, — сказал он. — Иди и умри.

Они пошли.

Орда — хлынула вперёд. Как чёрная волна. Как цунами из плоти и стали.

Они бежали по полю. Кричали. Били в барабаны. Размахивали секирами.

Они не знали, что их ждёт.

Первые — умерли, не дойдя до частокола.

Микула — стоял на стене. Его «СИЛИЧ» — свистел в воздухе. Каждый удар — отправлял в полёт десятерых. Он не просто убивал — он разбрасывал их, как солому.

Добрыня — был на земле. Его «ДОБРОСЛАВ» — пел. Он двигался — быстро. Слишком быстро для такого огромного тела. Он танцевал среди врагов, и каждый танец — заканчивался смертью.

Остальные Богатыри — были везде. На стенах. В проходах. В траншеях. Они — не сражались. Они — убивали. Методично. Быстро. Без жалости.

Но это — было только начало.

Громовники — заговорили.

Свиатогор дал знак.

Сто Богатырей — нет, четырнадцать Богатырей и три десятка выживших воинов Вышгорода, что пришли на помощь, — подняли громовники.

И — выстрелили.

Залп.

Сотня капсул — полетела в орду.

И — взорвалась.

Не просто взорвалась. Вспыхнула. Сварожий огонь — вырвался из капсул, как сотни солнц. Он горел белым пламенем, что не гасло, что жгло всё — плоть, кость, сталь, душу.

Первые ряды орды — испарились.

Не умерли. Испарились. Превратились в пепел. В дым. В ничто.

Орда — остановилась.

На мгновение.

Потом — снова ринулась вперёд. Но уже — медленнее. Уже — с ужасом в глазах.

Они бились до заката.

Богатыри — не уставали. Не останавливались. Не жалели.

Микула — убил больше тысячи. Его молот — почернел от крови. Его броня — покрылась вмятинами. Но он — стоял. Как гора.

Добрыня — убил больше восьмисот. Его клинок — светился в темноте, как молния. Его глаза — горели янтарём.

Остальные — каждый — убил сотни.

Но орда — не кончалась.

Вадим — стоял в тылу. Он — не шёл в бой. Он — призывал.

Он поднял посох. И — из-за его спины — вышла она.

Та, что была закрыта плащом из тьмы.

Она шагнула вперёд.

И — плащ упал.

Это была — Морана.

Не богиня. Не дух. А — воплощение. Высокая, тощая, с кожей цвета мёртвого снега. С глазами — пустыми, как колодцы. С волосами, что текли, как живые змеи. В руках — чаша, полная чёрной жидкости.

Она посмотрела на поле боя.

И — улыбнулась.

Она подняла чашу.

И — выпила.

И тогда — мёртвые восстали.

Те, что пали в орде. Те, кого убили Богатыри. Те, чьи тела лежали на поле.

Они — поднялись.

С глазами, полными тьмы. С ранами, что не кровоточили. С оружием в руках.

Они — повернулись к Богатырям.

И — пошли.

Свиатогор смотрел.

Он видел — как Микула рубил мёртвых. Как они — не умирали. Как он разрубал их пополам — а они — ползли к нему.

Он видел — как Добрыня пронзал их клинком — а они — смеялись.

Он видел — как Богатыри — впервые за день — заколебались.

— Это — Навь, — сказал Боян рядом. Его голос — дрожал. — Это — её сила. Она — кормится смертью. Чем больше убитых — тем больше у неё воинов. Мы — не можем победить её силой.

Свиатогор сжал «ЯРОСЛАВ».

— Тогда — мы победим её им.

Он посмотрел на Морану.

Она стояла в тылу. Она — не двигалась. Она — питалась.

— Если мы убьём её, — сказал Свиатогор, — мёртвые упадут снова.

— Но как до неё добраться? — спросил Добрыня. — Орда — между нами.

Свиатогор посмотрел на Перуна-Семь.

Страж — стоял. Его алый глаз — горел.

— Перун-Семь, — сказал Свиатогор. — Ты — можешь донести меня до неё?

Страж посмотрел на него.

«Да, Наследник. Но — это — опасно. Орда — плотная. Я — не смогу защитить тебя от всего».

— Мне — не нужна защита, — сказал Свиатогор. — Мне — нужна скорость.

Страж кивнул.

«Тогда — встань мне на плечо».

Свиатогор встал Стражу на плечо.

Перун-Семь — ринулся.

Трёхметровый бронзовый гигант — побежал. Земля — дрожала под его шагами. Орда — расступалась перед ним, как море перед кораблём. Он — бил копьём, и каждый удар — отправлял в полёт десятерых.

Свиатогор — держался.

Ветер — бил в лицо. Кровь — летела со всех сторон. Крики — оглушали.

Но он — смотрел только на неё.

На Морану.

Она — увидела его.

И — улыбнулась.

Она подняла чашу.

И — направила её на него.

Из чаши — хлынула чёрная жидкость. Не вода. Не кровь. А — тьма. Живая, текучая, голодная.

Свиатогор — поднял «ЯРОСЛАВ».

Клинок — вспыхнул.

Сварожий огонь — встретил тьму.

И — взорвался.

Свет — ударил в тьму.

Тьма — завывала.

Она — отступила. Не исчезла. Но — отступила.

Морана — взвизгнула.

Впервые — за тысячу лет.

Свиатогор — прыгнул с плеча Стража.

Он — был в десяти шагах от неё.

Она — посмотрела на него. Её пустые глаза — впервые — испугались.

— Ты — не бог, — сказал Свiatoгор. — Ты — паразит. Ты — тень. Ты — ложь.
Он поднял «ЯРОСЛАВ».
— И ты — умрёшь.
Он ударил.
Клинок — вошёл ей в грудь.
Морана — завывала.
Не от боли. От ярости. Из её раны — хлынула не кровь, а тьма. Чёрная, густая, живая.
Она — схватила его за руку. Её пальцы — обожгли холодом.
— Ты — не убьёшь меня, Железный, — прошипела она. — Я — вечна. Я — везде. Я — в каждом страхе. В каждом сомнении. В каждой тени. Ты — убьёшь это тело — но я — вернусь. Я — всегда возвращаюсь.
Свiatoгор посмотрел ей в глаза.
— Тогда — я — буду убивать тебя всегда, — сказал он.
И — ударил снова.
Глубже.
До самой рукояти.
Морана — вскрикнула.
И — рассыпалась.
Не упала. Не сдохла. А рассыпалась — в пепел, в дым, в ничто. Осталась только чаша — пустая, чёрная, холодная.
И в этот миг — мёртвые упали.
Все. Сразу. Как марионетки, у которых обрезали нити.
Орда — замерла.
Потом — дрогнула.
Потом — побежала.
Кто — бросил оружие. Кто — упал на колени. Кто — побежал, куда глаза глядят.
Вадим — стоял.
Он смотрел на место, где была Морана. На пустую чашу.
Его лицо — было белым, как снег.
— Ты... ты... — прошептал он. — Ты убил её. Ты убил её.
Свiatoгор подошёл.
Его броня — была в крови. Его лицо — в пепле. Его глаза — горели.
— Уходи, Вадим, — сказал он. — Уводи своих воинов. И — скажи своей Нави: её время — прошло.
Вадим смотрел на него.
Долго.
Потом — рассмеялся.
Не от радости. От безумия.
— Ты думаешь, это — конец? — прошипел он. — Ты думаешь, ты — победил? Железный... ты — только что разбудил её. Ты — ранил Чернобога. И теперь — он — знает о тебе. Теперь — он — идёт.
Он развернул коня.
— Мы — ещё встретимся, Железный. И тогда — я — приведу не тысячи. Я — приведу самого Чернобога.
И — ускорился.
Свiatoгор смотрел ему вслед.
За ним — стояли его Богатыри. Добрыня. Микула. Остальные.
За ними — выжившие воины Вышгорода. Радивой.
За ними — Боян.

И — Перун-Семь.
Они — победили.
Но — какой ценой.
Свиатогор посмотрел на небо.
На пепельную пелену.
И — ему показалось.
Или — правда.
Но пелена — дрогнула.
И — на мгновение — сквозь неё — мелькнуло что-то.
Огромное.
Тёмное.
Голодное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.